

РАННЕИСТОРИЧЕСКИЙ СВАТ: ПРИМЕР АККУЛЬТУРАЦИИ?

Исследования Итальянской археологической миссии IsMEO в Свате последнего десятилетия возобновили изучение доисламского исторического периода: это раскопки древнего города у Барикота и обследование руин населенных пунктов центральной части долины Свата.

Одним из главных направлений работ в населенных пунктах было изучение керамики. При этом ощущается необходимость выработки аналитического подхода к ее типологической эволюции, что могло бы облегчить хронологическую привязку вновь обнаруженных или уже известных типов. Изучение керамики, для которого длинные последовательности стратиграфических слоев из раскопок в Барикоте явились превосходным источником материалов, сильно продвинулось вперед (см. Callieri, 1990a). Было идентифицировано около 700 различных керамических форм и осуществлен статистический анализ их стратиграфического распределения на материале ок. 30000 фрагментов. Обработка собранных данных еще не закончена, но то, что уже сделано, составит заметную часть ближайшего опубликованного отчета о раскопках.

На основе изучения керамики самых древних фаз доисламского исторического периода (IV — II вв. до н.э.), фаз, совокупность которых мы будем здесь называть раннеисторическим периодом, придерживаясь терминологии, предложенной проф. А. Дани, можно сделать два очень важных наблюдения. Первое заключается в том, что в раннеисторической керамике появляются многочисленные инновации по отношению к керамической традиции доисторического Свата, известной по раскопкам некрополей (Silyi Antonini, Stacul 1972) и жилищ (Stacul 1967b, 1969a; Stacul, Tusa 1975, 1977; Tusa 1979, 1985). Несмотря на то, что можно отметить различные черты преемственности, прежде всего с керамикой периода VI Алиграмы, а именно, сохранение больших чаш так называемого типа *thali*, кувшинов с простыми отгибающимися наружу венчиками и некоторых декоративных гравированных мотивов (см. Callieri 1990:679), преобладают в раннеисторический период все-таки новые формы. Среди последних можно отметить чаши с прямыми расширяющимися наружу стенками, маленькие чаши с венчиком, выгибающимся наружу под острым углом, грушевидные сосуды с утолщенным снаружью венчиком, кувшины с горлышком и утолщенными плечиками различных типов и большой открытый таз с прямыми стенками и венчиком, отгибающимся наружу под острым углом (рис. 1, 2). Эти новые формы, которые позже мы встретим в больших количествах в Чарсале и других местах Гандхары и Свата, обнаруживают интересные аналогии с Ай Ханумом (Gardin 1973, 1985); также и наличие черной керамики, представленной немногими формами пиал, наряду с более распространенной красной керамикой

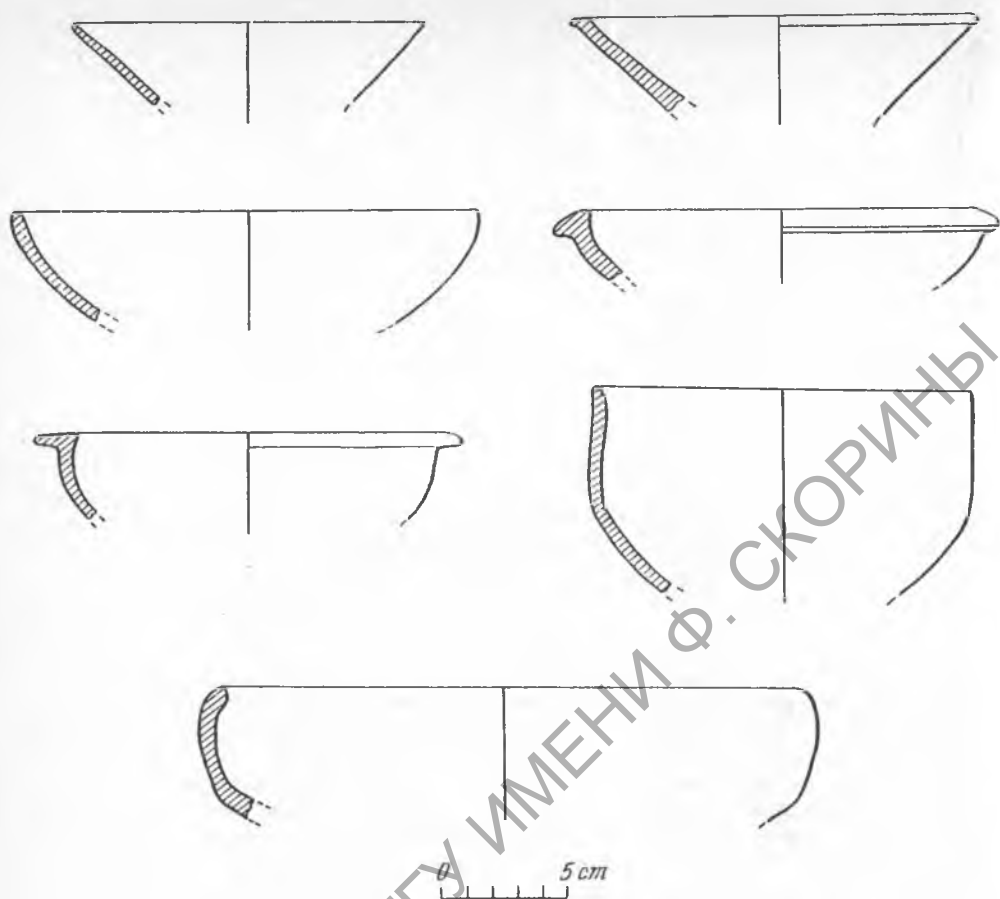

Рис. 1. Образцы керамики из Свата

(в различных хроматических тональностях, часто с примесью ангоба), соответствует известным нам находкам из упомянутого бактрийского поселения. Второе наблюдение связано со стратиграфической привязкой этой раннеисторической керамики из раскопок траншеи ВКГ 3 в Барикоте в 1987 г. Она происходит из слоев, относящихся ко времени сооружения и первой фазы существования городской оборонительной стены, и встречается наряду с традиционной протоисторической керамикой, представленной различными формами, типичными для периода VI Алиграмы. Характер стратификации, а также расширение культурного слоя, находящегося снаружи от фундамента городской стены, как кажется, исключают возможность объяснения факта наличия разнородных материалов вторжениями. Эти данные особенно важны, поскольку до сих пор момент перехода в Свате от протоисторических слоев к историческим не поддавался точному определению. Даже самые недавние исследования, в которых вновь поднимается трудный вопрос абсолютных датировок культурных слоев I тыс. до н.э. в поселениях, раскопанных на северо-западе субконтинента (Dittmann 1984; Vogelsang 1988), показывают, что в действительности единственным местом, в котором возможно проследить последовательность стратиграфических слоев вплоть до начала новой эры, является Чарсада — однако это поселение, как кажется, демонстрирует эволюцию, отличную от эволюции Свата (см. Vogelsang 1988:111).

Датировка, предложенная для времени строительства оборонительных сооружений Барикота, в основном базирующаяся на элементах относительной хронологии, выведенных из самой последовательности слоев, а именно: конец IV — III в. до н.э. совпадает с датировкой окончания периода VI Алиграмы (ср. Туза, в нашей подборке статей). Создается впечатление, что новая ремесленная традиция ранне-

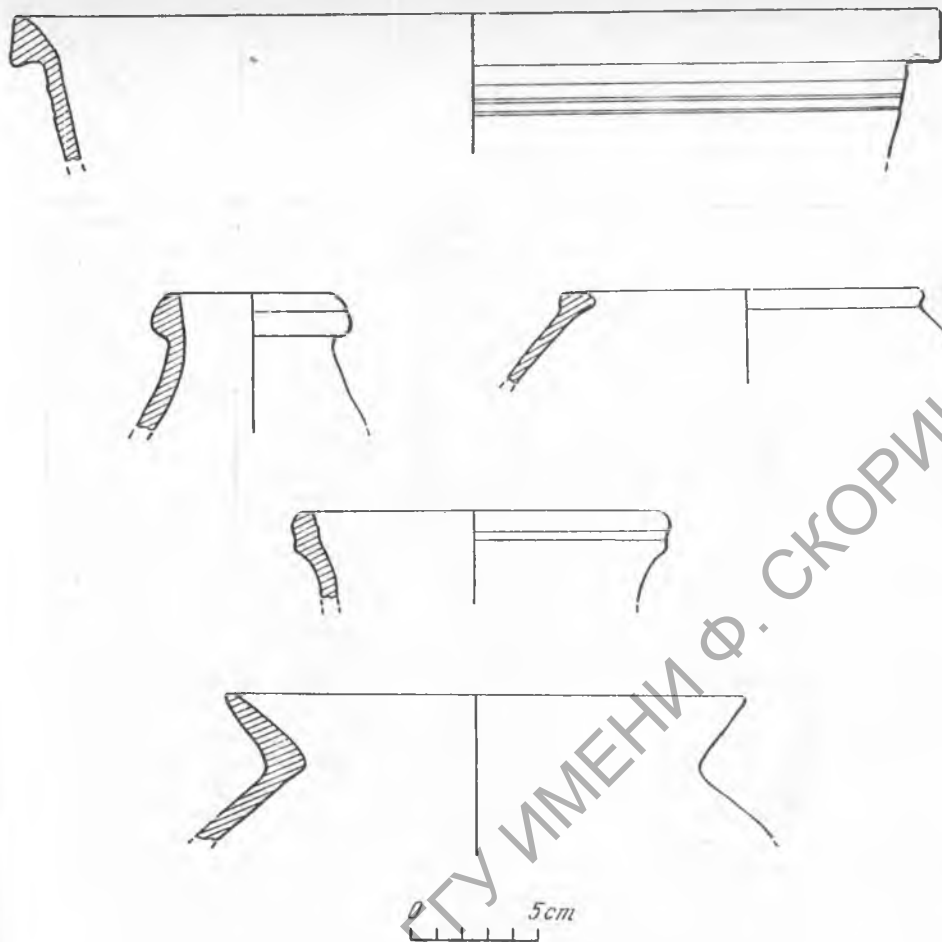

Рис. 2. Образцы керамики из Свата

исторической керамики внезапно наложилась на другую, существовавшую до этого времени традицию.

Если мы хотим понять причины этого явления, мы должны рассмотреть различные связанные с ним обстоятельства. Наиболее важным представляется изучение строения, связанного с этими материалами, а именно, городской стены. Без сомнения, здесь было бы полезно отметить, что это сооружение, до сих пор исследованное лишь в минимальной степени, но которое, судя по его остаткам, можно идентифицировать как оборонительное, запиравшее со стороны юга обширное плоскогорье, ограниченное имеющим форму полумесяца хребтом Барикота, представляет собой массивную каменную стену толщиной 2,70 м, с ядром из необработанных камней и аккуратной облицовкой из блоков и каменных плит. Стена снабжена бастионами или прямоугольными башнями, выступающими наружу и расположенными на расстоянии ок. 30 м одна от другой; перед ней с внешней стороны имеется земляной ров.

Строительство такого масштаба предполагает большую концентрацию сил и наличие определенных тактических задач. Каковы же были в тот период, к которому относят сооружение городской стены (конец IV—III в. до н.э.), известные нам в этом регионе политические силы? В III в. до н.э. Гандхара находилась под властью Маурьев, и очень вероятно, что Сват также входил в орбиту их политического влияния. Мы, однако, знаем слишком мало о военной архитектуре Маурьев, чтобы быть в состоянии определить степень ее близости к оборонительным сооружениям Барикота. Совсем по-другому обстоит дело с эллинистическим миром,

вошедшим в контакт с этим регионом в результате вторжения Александра Великого в 327 г. до н.э.; принципы фортификации Барикота, начиная с использования естественных рубежей и наличия акрополя, кончая некоторыми архитектурными особенностями, находят явные аналогии с другими оборонительными сооружениями эллинистического Востока, такими, как Ай Ханум и Мерв, а также с их средиземноморскими прототипами (см. Adam 1982; Leriche, Treziny 1986). Кроме того, от Арриана мы знаем, что Базира, город, который Стейн и Туччи отождествили с Барикотом, был окружен оборонительной стеной и что в нем находился гарнизон (см. также Thomas 1974: 13, 16—17).

Тот факт, что за истекший период в Барикоте было обнаружено два фрагмента греческих надписей на керамике (Callieri 1984a, 1984b), следует, без сомнения, рассматривать как важное свидетельство. С ним можно сопоставить и другие материалы, относящиеся к более позднему времени, но имеющие столь же большую культурную значимость, например, некоторые терракотовые изделия, которые указывают на постоянную восприимчивость жителей поселения к элементам эллинистической культуры.

Вернемся, однако, к первоначальной теме. В свете всего вышесказанного мне не кажется излишне рискованным предположение о том, что появление раннеисторической керамики в Свате следует рассматривать скорее в контексте феномена внезапной аккультурации, чем как результат внутренней эволюции. Незавершенность анализа керамики делает невозможным на данный момент более детальное сопоставление этих двух точек зрения. Однако указанная выше связь с Ай Ханумом должна стать важнейшим элементом подобной оценки, поскольку в последнем поселении происхождение местной керамики от керамики эллинистической было подробнейшим образом доказано (Gardin 1985; Lyonnet 1985).

Таким образом, экспедиция Александра в Сват предстает уже не как простой «транзит», лишенный последствий, но как начало стабильного владычества, продлившегося некоторое время и успевшего оказать влияние на материальную культуру. В недавнем исследовании (Bosworth 1983) было высказано хорошо обоснованное предположение о том, что около 324 г. до н.э. «территория македонского господства ограничивалась узким коридором между Центральным Гиндукушем и долиной Инда. Она находилась под сильной охраной гарнизонов, как это бывало и ранее, и управлялась македонским сатрапом Пейтоном, имевшим армию наемников. Это была относительно небольшая область, где армия была в состоянии удерживать под своим контролем или властью местные племена...» (Bosworth 1983:45). По крайней мере до 321 г. Пейтон оставался в долине Кабула (ibid., 38—39; см. также Bosworth 1988:239; Heckerl 1988:65). О более позднем периоде мы не имеем историко-географических данных; но, впрочем, верно и то, что античные источники дают очень скудную информацию даже по такой колонии, как Ай Ханум, расцвет которой продолжался вплоть до середины II в. до н.э.

И последнее свидетельство, отчасти неясное, возможно, заслуживает того, чтобы быть включенным в эту картину. В районе буддийского монастыря Сайду Шариф I, в Свате, под монастырскими постройками был обнаружен некрополь, для которого была характерна практика погребений, совершенно отличная от той, что существовала в доисторических некрополях Свата, но обнаруживающая, напротив, явные черты сходства с кладбищем Сарай Кхола близ Таксилы. Для этого кладбища, где отсутствовал погребальный инвентарь и почти не было других находок, пакистанские археологи предложили предварительную датировку временем около 1000 г. до н.э. (Nalim 1970—71:34). Однако У. Бернард, антрополог, изучавший костные останки, предложил на основе радиоуглеродного анализа датировку временем около III в. до н.э. Кроме того, он отметил в антропологических характеристиках погребенных черты, присущие жителям Запада, что побудило его высказать мысль о возможности атрибуции останков колонистам, происходящим из эллинистического мира (Bernhard 1981).

Очевидно, что ни одно из приведенных здесь свидетельств не является однозначным и что было бы неосторожно строить логическую конструкцию, основываясь только на предположениях, по видимости подкрепляющих друг друга, но которым недостает элемента неопровержимости. Только появление новых надежных данных, которые позволят, прежде всего, уточнить предложенную датировку городской стены Барикота и связанных с нею слоев, даст возможность проверить, действительно ли и в ранне-

историческом Свате имел место тот феномен аккультурации, связанный с распространением на Восток эллинистической культуры, который сыграл такую значительную роль в Гандхаре последующих веков (ср. Brilliant 1989, особенно 59—61).

- Adam J.-P. (1982) *L'architecture militaire grecque*. Paris.
- Agrawal D.P. — Kusumgar S. (1974) *Prehistoric Chronology and Radiocarbon Dating in India*. P. 120—124.
- Allchin R. (1982) How old is the city of Taxila? // *Antiquity*. 56. P. 8—14.
- Allchin B. and Allchin R. (1982). *The Rise of Civilization in India and Pakistan*. Cambr.
- Andersson J.G. (1943) *Researches into the Prehistory of the Chinese* // *Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities* 15, P. 1—304.
- Bernhard W. (1981) *Ethnic and Morphological Affinities of the People of the Iron Age Cemetery of Sarai Khola Near Taxila (Pakistan)* // *Journal of Mediterranean Anthropology and Archaeology* 1/2. P. 180—210.
- Bosworth A.B. (1983). *The Indian Satrapies under Alexander the Great* // *Antichthon*. XVII. P. 37—46.
- Bosworth A.B. (1988). *Conquest and Empire. The reign of Alexander the Great*. Cambr.
- Brilliant R. (1989). *Resistance and Receptivity to Greco-Roman Art*. *World Art. Themes of Unity in Diversity*. Ed. I. Lavin, P. 59—65. Pennsylvania State University.
- Chang K. (1963). *The Archaeology on Ancient China*. New Haven and London.
- Dani A.H. (1964) *Sanghao Cave Excavation. The First Season: 1963* // *Ancient Pakistan* I, P. 1—50.
- Dani A.H. (1967) *Timargarha and Gandhara Grave Culture* // *Ancient Pakistan* III.
- Dani A.H. et alii (1971) *Chakdara Fort and Gandhara Art*. *Ancient Pakistan* IV.
- Dani A.H. (1988) *Recent Archaeological Discoveries in Pakistan*. Paris—Tokyo.
- Debaine-Francfort C. (1988) *Étude comparative de matériels lithiques protohistoriques chinois (Chine métropolitaine et Asie centrale). L'Asie centrale et ses rapports avec les civilisations orientales des origines à l'Âge du Fer. Actes du colloque franco-soviétique*, Paris, 19—26 novembre 1985. Paris.
- Dittmann R. (1984) *Problems in the Identification of an Achaemenian and Mauryan Horizon in North-Pakistan* // *Archäologische Mitteilungen aus Iran* 17. P. 155—191.
- Francfort H.P. (1981) *The late periods of Shortughai and the problem of the Bishkent Culture (Middle and Late Bronze Age in Bactria)*. *South Asian Archaeology 1979* (H. Härtel ed.). P. 191—202. Berlin.
- Francfort H.P. (1984a) *The early periods of Shortughai (Harappan) and the western Bactrian culture of Dashly*. *South Asian Archaeology 1981* (B. Allchin, ed.). P. 170—175. Cambr.
- Francfort H.P. (1989) *Fouilles de Shortughai. Recherches sur l'Asie Centrale Proto-historique I—II*. Paris
- Franz H.G. (1982) *Butkara. Die italienischen Ausgrabungen des Buddhistischen Stūpa-Heiligtums* // *Afghanistan Journal*. IX / 4. P. 124—126.
- Gardin J.C. (1973). *Les céramiques. Fouilles d'Ai Khanoum, I* (Campagnes 1965, 1966, 1967, 1968). MDAFA. XXI. P. 121—188. Paris.
- Gardin J.C. (1985) *Les relations entre la Méditerranée et la Bactriane dans l'antiquité, d'après des données céramologiques inédites. De l'Indus aux Balkans*, Recueil Jean Deshayes. Ed. J.L. Huot. P. 447—460. Paris.
- Gulzar M.K. (1973) *Excavations at Zarif Karuna*. *Pakistan Archaeology* 9. P. 1—94.
- Gulzar M.K. (1983) *Hathial Excavation (A Preliminary Account)* // *Journal of Central Asia* 6/2. P. 35—44.
- Gupta S.P. (1972). *Disposal of Dead and Physical Types in Ancient India*, New Delhi.
- Gupta S.P. (1979). *Archaeology of Soviet Central Asia and the Indian Borderlands*. I—II. Delhi.
- Halim M.A. (1970—1971) *Excavations at Sarai Khola. Part I* // *Pakistan Archaeology*. 7. P. 23—89.
- Halim M.A. and Mughal R. (1972) *Excavations at Sarai Khola. Part II*. *Pakistan Archaeology*. 8. P. 1—112.

- Heckel W. (1988). The Last Days and Testament of Alexander the Great: a prosopographic study. Stuttgart.
- Jettmar K. (1974) Iranian Influence on the Culture of the Hindukush. Cultures of the Hindukush (K. Jettmar and L. Edelberg eds.). Wiesbaden.
- Jettmar K. (1989) Antiquities of Northern Pakistan, 1. Rock Inscriptions in the Indus Valley. I—II. Mainz.
- Khan G.M. (1979) Excavation at Zarif Karuna // Pakistan Archaeology 9. P. 1—94.
- Кузьмина Е.Е. (1972) Культура Свата и его связи с Северной Бактрией // КСИА. 132. С. 116—121.
- Kuz'mina E.E. (1976) The 'Bactrian Mirage' and the Archaeological Reality. On the Problem of the Formation of North Bactrian Culture // EW. 26. P. 111—131.
- Leriche P., Treziny H., eds. (1986) La fortification dans l'histoire du monde grec. Paris.
- Lyonnet B. (1985) Contributions récentes de la céramologie à l'histoire de l'Afghanistan // Arts Asiatiques XL. P. 41—52.
- Мандельштам А.М. (1968) Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане // МИА. 145.
- Mizuno S. (1962) Haibak and Kashmir — Smast. Kyoto.
- Mizuno S. (1969) Mekasanda. Buddhist Monastery in Pakistan Surveyed in 1962—1967. Kyoto.
- Mizuno S. and Higuchi T. (1978) Thareli. Buddhist Site in Pakistan Surveyed in 1963—1968. Kyoto.
- Mughal R. (1972) Excavation of Zarif Karuna // Pakistan Archaeology 8. P. 125—126.
- Mughal R. (1977) Cultural Links between Pakistan and Iran during the Pre-Historic Period (5000—1000). Iran, Pakistan. A Common Culture. P. 33—82. Islamabad.
- Mughal R. (1989) The Development of Protohistorical Research in Pakistan: 1970—1985 // Journal of Central Asia. 12/1. P. 47—73.
- Müller-Karpe H. (1983) Jungbronzezeitlich-frühisenzeitliche Gräberfelder der Swāt-Kultur in Nord-Pakistan. AVA-Materialien 20. München.
- Pande B.M. (1970) The Neolithic in Kashmir: New Discoveries // The Anthropologist. 17. P. 25—41.
- Parpola A. (1988). The Coming of the Aryans to Iran and India and the Cultural and Ethnic Identity of the Dāsas // Studia Orientalia. 64. P. 195—302.
- Rahman A. (1969) Excavation at Damkot // Ancient Pakistan IV. P. 103—250.
- Ranere A.J. (1982) Human Occupation in Northwest Pakistan During the Late Pleistocene // Anthropology in Pakistan (S. Pastner and L. Flam eds.). P. 124—144.
- Sankalia H.D. (1974). Prehistory and Protohistory of India and Pakistan. Poona.
- Sarianidi V. (1971) North Afghanistan in the Bronze Period // Afghanistan. 24. P. 26—38.
- Sharma A.K. (1978—1979) Prehistoric Explorations in Sikkim // Purātattva. 10. P. 82—83.
- Sharma A.K. (1982—1983) Gufkral 1981; An Aceramic Neolithic Site in the Kashmir Valley // Asian Perspectives, XXV/2. P. 24—41.
- Stein A. (1929) On Alexander's Track to the Indus. London — New York.
- Stein A. (1930) An Archaeological Tour in Upper Swāt and Adjacent Hill Tracts. MASI 42. Calcutta.
- Stein A. (1937) Archaeological Reconnaissances in North-Western India and South-Eastern Iran, London.
- Thapar B.K. (1985) Recent Archaeological Discoveries in India. UNESCO. Tokyo.
- Thomas C.G. (1974) Alexander's Garrison: A Clue to his Administrative Plans? // Antichthon. VIII. P. 11—20.
- Vogelsang W. (1988) A Period of Acculturation in Ancient Gandhara // South Asian Studies. 4. P. 103—113.
- Watson W. (1970) Cultural Frontiers in Ancient East Asia. Edinburgh.
- Wheeler M. (1962) Chārsada, a Metropolis of the North-West Frontier, Oxford University Press.

П.-Ф. Калльери

* Перевод Т.А. Дейнеки.